

(советские) персонажи. Но внешняя динамика не делает из действующих лиц «подвижных персонажей» (Ю. Лотман), способных изменить отношение к миру и окружающим людям. Герои (Дарси, Гранитов, Насер), вне зависимости от их национальной принадлежности, статуса, лишены интуиции, пребывают в наивной самоуверенности в правильности своего понимания чужого менталитета и уклада жизни. Речь идет о взаимном восприятии носителей восточного и европейского мира и менталитета, о проявлении человеческой природы в напряженных исторических ситуациях, о трудно определяемой национальной составляющей поведения и миропонимания.

Список литературы

1. *Алданов М. А.* Павлинье перо // Алданов М. А. Соч : в 6 кн. / под ред. А. А. Чернышева. М. : Новости, 1994. Кн. 3. Прямое действие. С. 427–494.
2. *Алданов М.* Король Фейсал и полковник Лоуренс // Алданов М. Портреты : в 2 т. М. : Захаров, 2006. Т. 2. С. 337–362.

Р. Ш. Абельская (Екатеринбург)

Черты культурного синтеза в поэзии А. Галича

Поэзия Александра Галича во многом построена на культурологических ассоциациях – пушкинских, античных, библейских. Примеры ассоциаций подобного рода можно найти в различных произведениях поэта, таких как «Петербургский романс», «Псалом», «Опыт ностальгии» и др. (см. об этом: [1; 7]).

Одна из характерных черт поэзии Галича заключается в стремлении поэта синтезировать образы русской и европейской культур, включив их в современный ему поэтический дискурс. Зачастую этот синтез осуществляется на фоне имплицитно проявленной «еврейской мелодии», прямо или косвенно отсылающей к детству поэта. Подтверждением тому служат произведения «Спрашивайте, мальчики», «Засыпая

и просыпаясь», «Воспоминание об Одессе» и т. д. Этот ряд продолжает стихотворение-песня «Мы не хуже Горация» (1966). В его центре – протест истинных художников, поэтов и писателей против официальной советской культуры.

...Ну а если – ни премьер, ни выставок?
Десять метров комната в Останкино,
Где улыбкой стражники-наставники
Не сияют благостно и святочно,
Но стоит картина на подрамнике, –
Вот и всё! ...А этого достаточно [4, с. 149].

Однако название «Мы не хуже Горация» высвечивает и более глубокий – подлинный – смысл стихотворения, порождая ассоциации с пушкинскими и античными образами и подчеркивая единство и преемственность трех культурных эпох: античной, пушкинской и современной поэту («Exegi monumentum» Горация – «Памятник» Пушкина – «Мы не хуже Горация» Галича).

Одновременно в стихотворении латентно присутствует еще один семантический пласт, отсылающий к еврейскому детству Галича и, опосредованно, к известному библейскому преданию. Дело в том, что песня Галича повторяет структуру и рефрен пасхальной еврейской песенки «Dai Dayeinu» («Этого достаточно»), известной его поколению из традиции домашнего празднования еврейской пасхи (исхода из Египта):

Если бы вывел Он нас из Египта,
но не покарал бы египтян,
То и этого было бы нам достаточно.
Если бы покарал Он египтян,
но не покарал бы богов их,
То и этого было бы нам достаточно... [8, с. 24].

Так в одном произведении переплетаются пушкинские, античные, библейские аллюзии, а фоном служит имплицитный мотив еврейского детства.

Другой пример позволяет проследить истоки еще одного образа, идущего из детства поэта и соединяющего в себе реминисценции из античного мифа, русской сказки и хасидской притчи. Этот образ возникает

в стихотворении-песне Галича «От беды моей пустяковой...» и не повторяется в других произведениях:

От беды моей пустяковой
(Хоть не прошен и не в чести),
Мальчик с дудочкой тростниковой,
Постарайся меня спасти!.. [4, с. 365].

Стихи посвящены матери, и этим подчеркивается реальный – из детских лет – источник таинственного образа мальчика с дудочкой и связанных с ним ассоциаций.

О детстве Галича известно немного. Семья будущего поэта жила в Екатеринославе (с 1926 г. – Днепропетровск), который входил в черту оседлости для еврейского населения. Родители Галича росли и воспитывались в еврейской среде и под влиянием еврейской традиции. «Можно уверенно утверждать, что в их семье, как и во многих подобных, знали языки идиш и украинский, немного древнееврейский... но с детьми, да и между собой говорили по-русски» [8, с. 21]. В декабре 1920 г. семья с маленьким сыном переехала из Екатеринослава в Севастополь, а позднее – в Москву, где будущий поэт погрузился в атмосферу русской литературы, в первую очередь благодаря дяде – известному пушкинисту. Галич с наслаждением читал произведения русской литературы; он сформировался русским поэтом, и многочисленные явные и скрытые аллюзии на сюжеты и образы русской поэзии в текстах его песен это подтверждают.

Тем не менее, цитируемые выше стихи, посвященные матери, как и стихотворение «Мы не хуже Горация», содержат «еврейский код», который позволяет приблизиться к источнику образа мальчика с дудочкой.

Поэт адресовал матери две песни. В передаче «Разговор с матерью», вышедшей на радио «Свобода» 5 октября 1975 г., звучит его «Песня про острова» [3]. Матери поэта нравилась песня о далеких «островах», где нет болезней и отчаяния, где торжествуют совесть и правда – и в которых нетрудно узнать образ «земли обетованной» – существующую от века еврейскую грезу.

«Песня про острова» известна в нескольких вариантах. В варианте, исполненном на радио «Свобода», прозвучали строки, неявно маркирующие «землю обетованную»: «Где виноградные / На стенах лозаньки...» [3, с. 128]. Виноградная лоза как метафора земли Израиля многократно упоминается в Библии, но об этом в советское время было известно лишь

немногим посвященным. Таким образом, на примере этого стихотворения Галича можно проследить, как еврейская тема уходит в подтекст и передается благодаря понятным лишь близкому человеку – в данном случае, адресату – символы. Подобным же образом можно прочесть стихотворение «От беды моей пустяковой...», поскольку оно, как и предыдущее, посвящено матери и вписано в контекст детства поэта.

Существует хасидская сказка¹ о том, как мальчик, играя на дудочке, вымолил у Всевышнего прощение для всех людей. Этот сюжет пересказывается в биографической книге И. Эренбурга «Люди, годы, жизнь»: «Проходя мимо “Ротонды”, я увидел на террасе знакомое лицо: это был поэт Перец Маркиш... За его столиком сидели ... писатель из Польши Варшавский и художник, фамилию которого я забыл. Не то Варшавский, не то художник рассказал историю о дудочке. Это была хасидская легенда... Легенду я запомнил и включил потом в мою книгу “Бурная жизнь Лазика Ройтшванца”; книга эта малоизвестна, и я перескажу историю.

В одном из местечек Волыни был знаменитый цадик – так называли хасиды подлинных праведников... Настал Судный день, когда, по верованиям религиозных евреев, Бог судит людей и определяет их дальнейшую судьбу... Цадик просил Бога отпустить людям грехи, но Бог прикидывался глухим. Вдруг тишину нарушила маленькая дудочка. Среди бедноты, стоявшей позади, был портной с пятилетним сынишкой. Мальчику надоели молитвы, и он вспомнил, что у него в кармане грошовая дудочка, которую ему купил накануне отец. Все накинулись на портного: вот за такие выходки Господь покарает местечко!.. Но цадик увидел, что суровый Бог не выдержал и улыбнулся.

Вот и вся легенда. Она взволновала Маркиша, он воскликнул: “Да это об искусстве!..”» [11, с. 154–155].

В том, что Галич прочитал автобиографический цикл «Люди, годы, жизнь» (1960–1967) Эренбурга в первом издании, нет ни малейшего сомнения. Авторы воспоминаний о поэте свидетельствуют: Галич читал книги Эренбурга еще до войны, более того, был лично знаком с писателем, не раз общался с ним, вел доверительные беседы (см.: [6, с. 380, 410]). Но в таком случае образ мальчика с дудочкой мог иметь не столько национально-религиозный (нравоучительная сказка, услышанная в детстве от матери), сколько культурологический источник

¹ Хасидская сказка – сказка, принадлежащая к фольклору хасидов (сторонников хасидизма). Хасидизм – религиозно-мистическое течение в иудаизме, возникшее в первой половине XVIII в. среди еврейского населения Волыни, Подолии и Галиции.

(«Да это об искусстве!...»). Однако, как это часто бывает, поэзия синтезировала, казалось бы, несоединимые элементы, переплавив их в единое целое.

С одной стороны, текст стихотворения прямо связывает образ мальчика, играющего на дудочке, с далеким забытым детством, что подтверждается и картинной-воспоминанием («Свет ложился на подоконник / затеивал на полу возню...»), и соответствующими эпитетами («Не искал я твой *детский* след...»; «Вдруг из *дальних* приплыл годов...»; «Я под наигрыш этот *детский*...»), и осознанием собственной греховности («О тебе я не помнил, *каюсь*»; «И, как все горожане *грешен*»). Мотив греха и покаяния непосредственно соотносится с нравоучительной хасидской сказкой, а посвящение матери – с общими воспоминаниями о детских годах поэта.

Таким образом, речь в стихотворении идет о духовном спасении, путь к которому был указан в детстве, – но поэт им пренебрег. Символом детства – материнского мира, духовной родины – становится мальчик с дудочкой – единственный, кто знает этот путь. Обращаясь к матери, Галич говорит о том, что понятно только им двоим, – о знакомой с детства еврейской сказке.

С другой стороны, это стихотворение и о спасительной силе искусства. С помощью одного «взмаха пера» поэт превращает образ мальчика с дудочкой из сугубо национального в общекультурный и синкретический.

У Эренбурга говорится о «маленькой», «грошовой» дудочке и ни разу не употребляется определение «тростниковая»; нет его и в романе «Бурная жизнь Ластика Ройтшванца», где мальчик играет на «жестяной дудочке» [12, с. 206].

Сказка о мальчике с дудочкой известна в еврейской традиции очень давно как одна из историй об основателе хасидизма, прозванном Баал Шем Тов (Владеющий Благим Именем), сокращенно – Бешт. Именно так – Бештом – называет его Лазик Ройтшванец в книге Эренбурга. В книге «Люди, годы, жизнь», адресованной не только еврейской, но и более широкой – советской, а также мировой – читательской аудитории, за евреев в Судный день молится не Бешт, известный лишь в пределах еврейского мира, а обобщенный цадик (праведник).

В фольклорных вариантах этой истории мальчик играет на «маленькой свистульке» из неназванного материала [2, с. 81], в другом изложении – на «деревянной дудочке» [5, с. 222]. Хасидские истории в течение столетий передавались из уст в уста, поэтому существовали во множестве вариантов. Могла ли в каком-либо из них фигурировать *тростниковая* дудочка?

Дудочка, вырезанная из тростника, встречается в славянском фольклоре и в античных мифах. В том и в другом случае семантика этого

образа связана со смертью. В русской сказке пастух вырезает дудочку из тростинки, выросшей на могиле убитой девушки, и дудочка, если в нее подуть, рассказывает о совершенном преступлении [9, с. 282]. В древнегреческом мифе Пан делает флейту-сиринкс из тростника, в который превратилась нимфа Сиринга, спасаясь от его преследований [10, с. 19]. Таким образом, помимо мотива смерти, тростниковая флейта Пана оказывается связанной еще и с мотивом распутства (впрочем, как и в целом образ Пана, ставший в ренессансных аллегориях олицетворением этого мотива [10, с. 418]). Подобная, закреплённая в языческом фольклоре, семантика образа дудочки противоречит дидактическому смыслу хасидской сказки (притчи по своей сути) из цикла историй о праведнике Беште. На этом основании можно заключить, что отсутствие в еврейских вариантах указания на тростник представляется неслучайным.

Пан и менады с флейтами-сиринксами составляли свиту Диониса [10, с. 90] – бога вина и музыки. Возможно, по этой причине – и во многом благодаря Ницше, воспевшему дионисийское вдохновение, – в европейской культуре тростниковая флейта приобрела дополнительный смысл: она стала одним из символов искусства.

Вероятно, прочтение воспоминаний И. Эренбурга, в частности, приведенного выше фрагмента, могло подтолкнуть Галича к созданию образа, включающего коннотации всепобеждающей силы искусства. В этом случае «мальчик с дудочкой тростниковой» представляет собой органический сплав двух символических образов – наивного ребенка из хасидской сказки, чья мольба о спасении достигает слуха Всевышнего быстрее, чем неискренние молитвы взрослых, – и античного божества с тростниковой флейтой, символизирующей могущественную силу искусства. Собственно говоря, *мальчик с тростниковой дудочкой* – это образ самого автора, поэта, соединившего в своих стихах (пусть и не всегда гармонично) домашний, хранимый от посторонних глаз, мир еврейского детства с русской и европейской культурами.

Список литературы

1. *Абельская Р. III.* Он понял правду как служение (А. Галич о предназначении поэта) // Известия Уральского государственного университета. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2009. № 4 (68). С. 175–182.
2. *Бубер М.* Хасидские предания: первые наставники. М. : Республика, 1997. 335 с. (Б-ка этической мысли).
3. *Галич А.* Я выбираю свободу // Глагол : альм. 1991. № 3. С. 127–128.

4. Галич А. Облака плывут, облака / сост. А. Костромин. М. : Локид : ЭКСМО-Пресс, 1999. 495 с.
5. Еврейские сказки для детей и взрослых / сост. Я. Л. Либерман. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001. 551 с.
6. Заклинание добра и зла. Александр Галич – о его творчестве, жизни и судьбе рассказывают статьи и воспоминания друзей и современников, документы, а также истории и стихи, которые сочинил он сам : [сб.] / сост. Н. Г. Крейтнер. М. : Прогресс, 1991. 576 с.
7. Кулагин А. В. Детство как лирическая тема Галича // Галич: новые статьи и материалы. Вып. 3. М. : Булат, 2009. С. 45–59.
8. Либерман Я. Л. Еврейство и христианство Александра Галича // Веси. 2008. № 9. С. 20–26.
9. Русские народные сказки : в 3 т. / сост. Ю. Г. Круглов. 2-е изд. Т. 1 : Сказки о животных; Волшебные сказки. М. : Сов. Россия, 1992. 446 с.
10. Холл Дж. Словарь сюжетов и символов в искусстве. М. : КРОН-ПРЕСС : Академия, 1997. 653 с.
11. Эренбург И. Г. Люди, годы, жизнь : [в 6 т.]. Кн. 3/4. М. : Сов. писатель, 1963. 791 с.
12. Эренбург И. Г. Бурная жизнь Лазика Ройтшванеца. М. : КРПА «Олимп» : Сов. писатель, 1991. 208 с. (Библиотечка «Олимпа»).

М. А. Аразова (Екатеринбург)

Рецепция творчества В. Маяковского в поэзии И. Елагина*

Иван Венедиктович Елагин (1918–1987; настоящая фамилия – Матвеев) – один из самых ярких и сильных представителей литераторов второй волны русской эмиграции XX в. Его отец, Венедикт Март, поэт-футурист, был расстрелян в 1937 г. Смерть отца оказала значительное влияние на мировоззрение Елагина и его дальнейшую судьбу. В начале войны он находится в оккупированном Киеве; будучи недоучившимся врачом из Второго киевского медицинского

* Работа выполнена под руководством доктора филологических наук, доцента Ю. В. Матвеевой.